

«Почему «Ы»? —
«А чтоб никто не догадался»

помощь Гайдай приносил недолго: подрывался на mine, и война для него закончилась.

Валяясь по госпиталиям, он понял важную вещь: все на свете — несоответствие. Роста — весу, слова — делу, коровы — седлу. О, как учили папа с мамой, он не стал ссориться со всем светом. Он сам стал таким же «несоответствием».

Не выговаривая ни «р», ни «л», пошел в артисты. Закончил в Иркутске драмстудию и начал играть на сцене. Буквы позднее выговорились уже сами собой. Потом приехал в Москву, не зная о существовании ВГИКа. Хотел в театр, спустя пять лет был уже кинорежиссером. Начал с драмы по Короленко («Долгий путь»), продолжил законченным комедиографом. То есть умел «не попадать», а значит, и «не попадаться». По совету Григория Сковороды, чья эпитафия: «Мир хотел поймать меня, но ему это, кажется, не удалось».

Еще позднее сидел без работы после порезанного фильма «Жених с того света». Вместе с женой поехал домой, в Сибирь. Прочел по пути фельетон Степана Олейника про трех браконьеров и пса, который за ними гнался (с динамитом в зубах). Фельетон Гайдаю понравился, он «пропал» на чердаке и написал киносценарий одночастевки. Спустился, читает жене: «Пробежка — 15 метров, собака — 1 метр, трое в кустах — 3 метра». Долго так читал. Потом спрашивает: «Ну что, правда, смешно?» — «Правда», — грустно сказала жена. Несоответствие в том, что над «Псом Барбосом...» смеялся потом весь мир, и наши хитрые дипломаты показывали его иностранным капиталистам, чтобы те расслабились и легче подписывали контракты с «большевиками». И, между прочим, совсем недавно, в эпоху «потепления», посмотрев гайдаевское кино, голливудские деятели в один голос начали заверять: «Где этот человек? У нас он стал бы Вандербильдом».

А как это получалось? Да просто, очень просто. Гайдай сначала еще пытался вопросы разные задавать. У директора «Мосфильма» спрашивал: «А скажите, Николай Трофимович, у нас социализм?» — «Да, Леня, социализм». — «То есть каждому по труду?» — «Да, Леня, каждому по труду». — «А почему тогда мы все тут получаем одинаково? И те, чей фильм собрал 5 тысяч зрителей, и те, чей — 80 миллионов?» — «Ну, Леня, чем же тогда мы будем цеха кормить?» — разводил руками директор, и Леня не обижался. Он тихо переставал задавать вопросы, замыкался, стал молчуном, сидел дома в узбекском халате, читал книжки и наконец вычитал в них универсальный ответ: «Такие люди».

Жена *Нина Гребешкова* и дочь *Оксана*

Один там — дурак, другой — сексот. Ну, что обижаться: «Такой человек». Не переделаешь. Зато когда человек «такой», вполне «соответствующий», мягко выражаясь, то сколько же простора для фантазии! Если ты принимаешь людей как есть и больше не хочешь их переделывать, ты от них совершенно свободен. Ты можешь петь, свистеть, разгадывать кроссворды и представлять себе Бывалого, Труса, Балбеса, Шурика, товарища Саахова, Жоржа Милославского и Буншу во всех видах, без ограничений. А если «без ограничений», то с Папанова спиннингом стянет труссы под водой, а Бунша станцует чарльстон с царницей Анастасией и погода заявит: «Я требую продолжения банкета».

Ну, нельзя этот мир воспринимать серьезно. В нем все ведь и всему — не соответствует. Ну, любил Гайдай стихотворение Смелякова «Хорошая девочка Лида», читал его на вступительных Ромму, читал с душой. Но проходит лет двадцать, душа сильно переменилась, и идет это стихотворение в «Операцию «Ы» — Шурику, очкарику, студенту. А то как же себя вспоминать без иронии? Ну, сочинял он сценарий для этой «Операции «Ы» с Костоковским и Слободским, ну, мучался. Позвали из кухни жену, у которой там что-то жарилось. Догадались спросить: «Нина, а с вами бывает, что вы куда-то приходите и будто когда-то вы с кем-то здесь уже были?». Понятно, что ответила жена,

поглядывая в кухню, чтобы не подгорело. Что ответила, то и вошло... в роль очаровательной Селезневой: «Нет, у меня никогда так не бывает. Я всегда знаю, с кем я, где и когда...».

«Эх, жите мое!»

А если Гайдай «иссякал», он просто ходил гулять. У него было два маршрута: поменьше — до Сокола, побольше — до Песчаных. Ходил и слушал, и смотрел, и все записывал. И было что. Всегда, к примеру, во воскресеньям приносил жене букет цветов. Не принес лишь однажды. На рынке старый-престарый грузин сказал ему: «Погоди, отец, я тебе, отец, отдам подешевле». Гайдай высоко оценил «отца». Записал и это на всякий случай.

Конечно же, несерьезность имела свои «негативные» стороны. Когда на съемках «Бриллиантовой руки» ему в Баку на завтра понадобился верблюд, не внесенный в смету, то это значило: «Вын да положь верблюда». И ведь вынули, и положили. Зато какая вышла Турция из узких бакинских улочек, когда верблюд проходил по ним! И когда во время «Операции «Кооперация» кошка, три дня не кормленная, отказалась работать в кадре, так как перед кадром ее кто-то все-таки покормил, чтобы не сдохла, это значило: «Кошка бездарна. Она не актриса. Подать другую». Зато как же сыграла «бездарная», благодарная за прокорм кошка, когда ей принесли другую и «другая» оказалась котом!

Да, несерьезный Гайдай на все просьбы домашних отвечал однозначно. «Надо сделать ремонт» — «Зачем? У нас и так хорошо!» — «Надо мебель купить». — «Зачем? У нас же такая хорошая мебель!» Да, он не знал, где в доме лежат лампочки, и, хотя сам водил машину, ему приходилось пять раз объяснять, что такое замок зажигания (и пять раз этот замок меняли). Но в этом доме никто никогда не ссорился. В нем никогда не повышался голос. Выросла дочка, и выросла внучка, и жил фокстерьер, и живет персидская кошка Глаша. В этом доме все — живое, хотя Гайдаю нет уже несколько лет.

Его никогда не бросали сотрудники. Мало того, со временем они привыкли брать на каждую съемку весь реквизит, запланированный для фильма: «А мало ли что вам в голову придет, Леонид Иович?». В его группу все время просились со стороны: он никогда не нарушил сроков, а значит, будет и премия. Ни разу в жизни Гайдай не заставил ждать даже собственного шофера. Если назначено в восемь, то хоть голый, без трех минут восемь он уже стоял у подъезда.

Когда он умер, плакали все лифтерши.